

Поняв, что скрывать больше нечего и что Цзян Юй наверняка уже докопалась до истины, Даос Линьцин решил больше не притворяться.

— Да, я действительно отдал их Чэн Вану. В этот раз он и Чжисюнь представляют Секту Тайсью. Дядя-наставник, я верю, что вы поймете меня.

Когда аргументы заканчиваются, в ход идут попытки давить на совесть. Цзян Юй видела такие трюки еще в детстве.

Она кивнула:

— Я, конечно, понимаю. В конце концов, Чжисюнь хороша собой, да и талант у нее выдающийся...

Видя, что она говорит спокойно и без спешки, Даос Линьцин сразу выдохнул с облегчением.

— ...но, с другой стороны, — добавила она.

Его дыхание тут же снова перехватило.

— Если бы вы с самого начала поговорили с моим наставником по-человечески, поговорили бы со мной, разве мы стали бы упрямыми и не дали бы духовные камни? В глазах главы секты мой наставник, который едва не расстался с жизнью ради процветания секты, — человек, не умеющий видеть общую картину? А я, его ученица, — мелочная особа? Брать без спроса — это воровство!

Ее фигура казалась хрупкой, но исходящая от нее аура подавляла всех присутствующих.

Стоявший рядом Чжу Шу нахмурился:

— Старший брат, ты поступил слишком некрасиво...

Нань Юй тоже кивнул:

— И то верно. Когда-то ты сам хотел взять Цзян Юй в ученицы. Нельзя же забирать у человека вещи только потому, что тебе не удалось сделать ее своей ученицей! К тому же те духовные камни были получены от Прародителя, это вещи Прародителя.

Духовные камни Прародителя были куда ценнее обычных. Глава секты поступил уж слишком...

Лицо Даоса Линьцина то краснело, то бледнело. Спрятав руки в широкие рукава, он сжал ладони и произнес жестким тоном:

— Я делал это ради Секты Тайсью! Я тогда не знал, что дядя-наставник спустится с горы, и, разумеется, должен был позаботиться о Чэн Ване и Чжисюнь. Если бы нашлись ученики сильнее их, я бы отдал камни другим! Просто так вышло, что одна из них — моя дочь, а другой — мой последний ученик!

— А глава секты хоть раз поднялся на гору, чтобы спросить меня или моего наставника?

— Я...

Разумеется, он не спрашивал.

Цзян Юй усмехнулась:

— Значит, глава секты не спросил, а просто решил за нас, что я не стану сражаться за Секту Тайсью на Великом состязании, и при этом втайне считал своих учеников самыми сильными. Вы что, презираете всех остальных, кроме Чэн Вана?

Даос Линьцин тут же возразил:

— Я никогда этого не имел в виду!

— Но именно так ты и поступил! Как глава секты, ты обязан заботиться о своих учениках, но разве другие — не твои ученики? Кроме Линь Чжисюнь и Чэн Вана, на состязание едут еще четверо, итого нас семеро. Ты хоть раз дал кому-то из них личный совет?

Цзян Юй была точно в цель, каждое ее слово было как удар:

— Зато четыре старейшины не жалели сил, помогая твоему любимчику Чэн Вану, передавая ему все знания без остатка. Скажите, глава секты, это справедливо?

Даос Линьцин застыл, слова застряли у него в горле, он не мог выдать из себя ни звука.

То, что раньше казалось ему само собой разумеющимся, будучи выставленным напоказ, вдруг приобрело дурной привкус. Первый и четвертый старейшины тоже почувствовали себя неловко.

Ми Чуань внезапно подал голос:

— Прародитель столько сделал для Секты Тайсью и всего мира совершенствующихся, почти тысячу лет никого не принимал в ученики. Я думал, что вы будете носить Цзян Юй на руках... — он вздохнул. — Наставник Линьцин, если мой учитель узнает об этом, он наверняка посмеется над вашей близорукостью.

Его белоснежное одеяние колыхалось на ветру, но в голосе не было ни капли насмешки —

казалось, он просто констатирует факт.

— Я здесь уже давно. В следующий раз, если будет возможность... увидимся снова. — Ми Чуань перевел взгляд на Цзян Юй, наблюдая за насмешливой улыбкой в ее глазах.

Действительно... неожиданно.

— Прошу прощения, я откланяюсь.

Раз уж Ми Чуань сказал такое, Даос Линьцин понял, что камни не вернуть, как бы сильно ему этого ни хотелось.

Сидя в кресле, он нахмурился:

— Дядя-наставник, почему вы так упорно идете против Чэн Вана? Если он победит на состязании от лица нашей секты, разве это не прибавит вам чести?

Цзян Юй, уже сделавшая шаг за порог главного зала, вернулась обратно.

Она рассмеялась:

— Глава секты, вы готовы верить никчемному человеку, которого знаете всего десять лет, но не верите, что ваша родная дочь Линь Чжисюнь способна выиграть состязание.

Линьцина прошило током.

— Я просто возвращаю свое. Прошу, не пытайтесь давить на мою совесть. Что до него — мне нет дела. Я не верю, что никчемный человек, который мечется между двумя огнями и неверен своей невесте, способен победить. Он этого не достоин.

В оригинальной истории она всегда очень уважала Даоса Линьцина. Она не раз рассказывала ему о том, как Чэн Ван погубил ее семью, но Линьцин пропускал это мимо ушей.

Он был как первоклассный агент, а Чэн Ван — его самая успешная звезда. Только интересы секты могли хоть как-то на него повлиять.

Но теперь Цзян Юй — дядя-наставник Линьцина, и у нее нет ни малейшего желания любезничать с таким дельцом.

Даоса Линьцина буквально трясло от ярости.

Он с силой ударил по столу:

— Эта Цзян Юй совершенно не знает границ! Подумаешь, несколько духовных камней, после состязания я бы ей их возместил! Ради кого я все это делаю? Ради нашей Секты Тайсюй! Я называю ее дядей-наставником из уважения, а она и вправду возомнила себя старшей?!

В его глазах она оставалась лишь сопливой девчонкой.

Первый старейшина Чжу Шу, оберегая стол, с болью протер его:

— Он сделан из Дерева Громового Раската... если сломаешь, я с тебя спрошу.

Четвертый старейшина Нань Юй вовсе не разделял мнения Линьцина.

Более того, он был разочарован:

— Старший брат, ты раньше всегда ценил справедливость. Забыл, как в начале пути у тебя самого украли духовные камни? Забыл, как тогда помог тебе Прародитель? По мне, так Цзян Юй права. Почему она должна отдавать свое добро другим? К тому же она явно сильнее этого мальчишки Чэн Вана, она тоже может прославить секту. Чжисюнь тоже в полшаге от Золотого Ядра, почему ты так носишься именно с Чэн Ваном?!

— Он мой ученик, что в том, что я о нем забочусь?! Тем более, в следующем году Чжисюнь должна выйти за него замуж. Если он займет первое место на состязании, все будут завидовать Чжисюнь, что она нашла такого достойного мужа. Неужели я делаю это ради себя?

Лицо Линьцина покраснело от возмущения.

Нань Юй лишь покачал головой.

А почему бы тогда не вырастить из Чжисюнь победительницу? Разве ей не завидовали бы еще больше, если бы она сама выиграла состязание?

Сначала Нань Юй не видел ничего плохого в действиях старшего брата, но слова Цзян Юй внезапно открыли ему глаза. Увы, старший брат всегда был невероятно упрям.

Он вздохнул. Ничего не попишешь, придет время — старший брат еще пожалеет.

Сказав это, он потянул за собой первого старейшину, который все еще был занят осмотром стола на предмет повреждений.

В главном зале воцарилась тишина.

Было слышно, как в саду падают на землю лепестки грушевых цветов. Линьцин опустил взгляд,

его глаза скрылись в тени.

Неужели он действительно неправ?

Нет.

Он прав.

Все, что он делает, — ради Секты Тайсуй, ради того, чтобы у Чжисюнь был хороший муж и счастливый брак.

А Чэн Ван — лучший кандидат.

— Хм? Уверены, что Чэн Ван — лучший кандидат? Может, посмотрите на меня?

<http://bllate.org/book/21574/2222266>